Гибридные механизмы многостороннего экономического сотрудничества – новое явление во внешней политике КНР¹

М.Л. Горбунова, И.Д. Комаров

Горбунова Мария Лавровна — д.э.н., доцент, исполняющая обязанности заведующей кафедрой мировой экономики и региональных рынков Института экономики и предпринимательства Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; Российская Федерация, 603950 Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; E-mail: gorbunova@iee.unn.ru

Комаров Игорь Дмитриевич — инженер-лаборант Центра экспертизы и комплексного анализа, Институт международных отношений и мировой истории Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского; Российская Федерация, 603950 Нижний Новгород, пр. Гагарина, 23; E-mail: komarov@imomi.unn.ru

Авторы исследуют современные тенденции развития международного экономического сотрудничества, контекст которых определяется, с одной стороны, глобальной стагнацией, а с другой — трансформацией роли развивающихся стран в наднациональных институтах международного публичного права в условиях выравнивания их политического и экономического потенциала с возможностями лидеров развитого мира. Одним из ведущих акторов процесса трансформации существующей системы международных отношений является Китай: авторы анализируют масштабы и перспективы продвигаемых им на евразийском пространстве многосторонних инициатив, ориентированных на сотрудничество и развитие — проекта «Экономический пояс Шелкового пути» (ЭПШП) и Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Роль Китая в международном развитии достигла качественно нового уровня. Это связано с тем, что страна вышла в лидеры мировой экономики по показателю валового производства и, несмотря на относительно невысокие подушевые доходы населения, аккумулировала значительные финансовые ресурсы. Усложнение модели внешнеэкономической экспансии обусловило необходимость более активного участия страны в глобальном управлении в роли ответственной державы. Осознание необходимости участия в решении вопросов мирового развития пришло на смену стандартной модели реализации торгово-экономических интересов. Экспликация громадного экономического потенциала страны на региональном (африканском, азиатском и отчасти латиноамериканском) и глобальном уровнях прямо или косвенно затрагивает интересы других лидеров развитого и развивающегося мира из-за возможной потери традиционных источников сырья и рынков сбыта, а вместе с ними и политического влияния. Авторы стремятся дать объективную оценку потенциального влияния ЭПШП и АБИИ на экономику Евразии. Экономический пояс Шелкового пути является составной сухопутной частью проекта «Один пояс и один путь» и связан с созданием транспортно-логистической инфраструктуры, пересекающей евразийский континент с востока на запад. Как представляется авторам, он будет реализован с помощью традиционных инструментов китайской экономической дипломатии: путем заключения соглашений о преференциальной или свободной торговле с участвующими странами и предоставлением фондирования, в том числе связанного с закупками инфраструктурных товаров в КНР или с получением доступа к источникам сырья в странах-реципиентах. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций — межгосударственный банк развития под эгидой КНР, ключевыми игроками которого будут также европейские страны — один из трех финансовых институтов, обеспечивающих ЭПШП. Проведенный авторами анализ экспертных мнений и заявлений официальных лиц, а также системы банков развития, функционирующих в Евразии, позволяет сделать вывод, что Китай предпринимает исключительные организационные и финансовые усилия для экономической экспансии внутрь евразийского континента в рамках гибридной модели сотрудничества и развития.

Ключевые слова: внешняя политика КНР; экономика Евразии; институты развития; интеграционные объединения; Азиатский банк инфраструктурных инвестиций; Экономический пояс Шелкового пути

¹ Материал поступил в редакцию в январе 2016 г.

Введение

Глобальная система управления в условиях торможения темпов роста мирового хозяйства сталкивается с новыми вызовами, связанными с преодолением кризисных ситуаций как в отдельных странах, так и на уровне системы международных экономических отношений в целом. Неустойчивость финансов развитых стран, наиболее масштабными проявлениями которой являются ипотечный кризис и обвал фондового рынка США в 2008 г. или остающийся неразрешенным с 2010 г. долговой кризис Греции, привела к возникновению ситуации дефицита источников развития в мировом масштабе. В то же время накопившие значительные финансовые ресурсы развивающиеся страны, в первую очередь Китай, начинают играть новую роль в системе международного движения частного и официального капитала. Кроме того, США и ЕС, признавая существующие проблемы системы международных отношений, требуют от Китая более активного участия в существующих многосторонних глобальных институтах. С точки зрения развивающихся стран, в целом поддерживающих КНР, активно присутствующую в их экономиках, прозападная система международных отношений находится в состоянии организационной, экономической и политической стагнации, негативно сказывающейся на процессе глобального развития. Новые институты развития и сотрудничества, продвигаемые КНР, могут служить целям трансформации международных отношений. Так, за счет «институционализации» китайских финансовых вложений (их осуществления в рамках международных институтов развития и многосторонних межгосударственных координирующих механизмов) образуется огромный независимый источник официального квазимеждународного капитала, в первую очередь на пространстве Евразии. Логика работы следующая. Во-первых, авторы анализируют предпосылки нового качества экспансии КНР, во-вторых, дают общую характеристику содержанию двух взаимосвязанных многосторонних инициатив — ЭПШП и АБИИ, в-третьих, оценивают потенциал их воздействия на экономику вовлекаемых в них стран, в том числе путем сопоставления с уже функционирующими в Евразии межгосударственными институтами развития.

Концептуализация внешней политики Китая на современном этапе

Роль Китая в мировой экономике и системе мирохозяйственных связей в настоящее время трудно переоценить. Претензии на глобальное лидерство заставляют руководство страны все лучше артикулировать цели и задачи продвижения страны в мировом экономическом пространстве. По мнению И.Г. Денисова [Денисов, 2015], лишь в последнее время Китай, с самого начала реформ сознательно избегавший лидерства или конфликтов с глобальными игроками, обрел достаточную силу для того, чтобы целенаправленно отстаивать свои интересы по широкому кругу проблем и на широком геополитическом пространстве. Впечатляющие результаты внешнеэкономической экспансии, достигнутые Китаем, представляют собой логическое следствие его почти сорокалетней постепенной рыночной трансформации, в существенной степени опирающейся на интеграцию в мировую экономику. В настоящее время внешняя политика Китая приобрела качественно новое содержание, более не основывающееся на восьми постулатах участия в международной жизни, сформулированных Дэн Сяопином (цит. по [Белоусова, 2014]): «...хладнокровно наблюдать, укреплять позиции, уверенно реагировать на изменения, скрывать свои возможности, выигрывая время, не привлекать

к себе внимания, никогда не становиться лидером, делать конкретные дела» — необходимость использования которых, по мнению китайских экспертов, была обусловлена стремлением уберечь страну от взваливания на нее непосильной ответственности (цит. по [Портяков, 2013]). По мнению Е.С. Белоусовой и В.Я. Портякова [Белоусова, 2014; Портяков, 2014а], вплоть до прихода к власти лидера пятого поколения Си Цзиньпина для Китая было характерно «нахождение в тени». Показательна в этом смысле *ad hoc* корректировка внешнеполитической идеологии, случившаяся при Ху Цзиньтао (лидера четвертого поколения), когда провозглашенная в 2003 г. и признанная слишком амбициозной концепция «мирного возвышения» страны была заменена на значительно более умеренную идею «гармоничного мира» [Борох, Ломанов, 2007]. Только нынешний руководитель страны Си Цзиньпин не только однозначно высказался за то, что Китаю пора «превратиться из страны, которая следует выработанным другими правилами поведения, в державу, которая сама вырабатывает эти правила, в том числе и для других» (цит. по [Кирьянов, 2013]), но и подтверждает свои слова рядом ярких концепций и инициатив.

По мнению А.П. Цыганкова [Tsygankov, 2015], базовой идеологией Китая является неомеркантилизм, ориентированный на экономический интервенционизм, для которого характерны постановка долгосрочных целей, выделение секторов экономического роста и включение в мировую экономику на основе стратегии обеспечения положительного сальдо внешней торговли, позволяющего не только развивать производство и поддерживать занятость, но и аккумулировать финансовые ресурсы. Принципы внешней политики КНР лидеров пятого поколения основываются на концепции «китайской мечты» [Ломанов, 2014; Портяков, 2014а, 2014б; Holslag, 2015], рубежами достижения которой является строительство к 2021 г. «общества малого благосостояния», когда люди обеспечены основными условиями для жизни, и создание к столетию образования КНР (2049 г.) «сильного богатого демократического цивилизованного гармоничного государства», когда доходы населения достигнут уровня населения развитых стран [Ломанов, 2014]. Идея «китайской мечты» на международной арене концептуализирована Си Цзиньпином как идея «общности пути» КНР со странами Африки, Латинской Америки, АСЕАН, а также сопредельными странами в целом. По мнению А.В. Ломанова, из китайских публикаций можно сделать вывод, что данная идеология подразумевает создание механизмов взаимодействия, предполагающих не только общее получение выгоды, но также совместную ответственность, формирование комплексного сотрудничества в политике, экономике и культуре [Ломанов, 2014]. По мнению В.Я. Воробьева [Воробьев, 2016], долгосрочная смысловая цель Китая — выход на арену глобального проектирования с новой открытой моделью регионального или трансрегионального сотрудничества.

Таким образом, по мнению авторов, современный этап внешнеэкономической экспансии КНР может быть назван институциональной интернационализацией, что отражает активность страны не только в развитии внешней торговли и прямых зарубежных инвестиций или реализации инициатив в рамках участия в существующих международных институтах, но и в отношении продвижения новых многосторонних межгосударственных инициатив, нацеленных на сотрудничество с региональными и глобальными акторами, имеющими сходные экономические интересы и проблемы.

Экономический пояс Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций как новые механизмы экспансии Китая в Евразии

В качестве перспективного, потенциально наименее конфликтного направления в современной китайской экспансии был выбран Запад (сердцевинная часть Евразии и Европа) [Ларин, Матвеев, 2014]. Это связано с тем, что линия поведения КНР, в первую очередь в Азиатско-Тихоокеанском регионе, наталкивается на противодействие со стороны США. В этом контексте рассматриваемые инициативы Китая связаны не только с некоторым разочарованием темпами строительства «отношений нового типа» с Вашингтоном, но и с осознанием того, что преодолеть американскую стратегию сдерживания Китая может лишь в том случае, если создаст вокруг себя сеть партнерских дружественных государств, более или менее не связанных с Вашингтоном, поэтому реализация «пути на Запад» в определенной степени вызвана американским возвращением в Азию [Денисов, 2015; Ларин, Матвеев, 2014]. Закрепившаяся в результате в политологических кругах Китая и в заявлениях руководства страны стратегия «продвижения (пути) на Запад» прямо или косвенно направлена на достижение экономического лидерства в рамках крупнейшего и наиболее населенного мирового континента, что уже подтверждается успешным опытом соперничества с ЕС, Россией и Индией, прежде всего в сфере промышленного производства [Кудияров и др., 2015; Тренин, 2015; Holslag, 2015].

Ожидания от Китая в сфере внешнеэкономической экспансии обусловлены набором применяемых им инструментов экономической дипломатии [Лексютина, 2015; Портяков, 2013], среди которых: ориентация на обеспечение доступа к ресурсам за счет участия в разработке месторождений или покупки активов сырьевых компаний, формирование внешнего спроса на китайские товары путем заключения двусторонних соглашений о преференциальной или свободной торговле, строительство инфраструктурных объектов (во многом за счет связанных кредитов), заключение соглашений о расчетах в юанях, «статусное» направление (активизация многосторонних инициатив и деятельность в рамках международных организаций), оказание помощи в технической, гуманитарной и культурной сферах. По мнению Дж. Хольслага [Holslag, 2015], эффективность внеинтеграционных соглашений о свободной торговле Китая с другими странами во многом определяется тщательностью проработки вопросов китайской делегацией и жесткостью в отстаивании переговорных позиций. Все это позволяет прогнозировать сложности во взаимодействии с крупными странами Евразии, в первую очередь Россией и Индией, которые будут пытаться противостоять критическому возрастанию роли Китая в их экономиках. Так, проблема Российской Федерации состоит в том, что страна имеет сопоставимый с Китаем уровень развития и ей не следует рассчитывать на то, что восточный сосед будет предоставлять ей финансовые ресурсы. Однако в условиях западных санкций страна испытывает дефицит капитала и, по мнению авторов, если она не сможет самостоятельно, без китайского капитала, финансировать инфраструктурные проекты на своей территории, его предоставление может быть обусловлено заключением двустороннего соглашения о преференциальной или свободной торговле, которое существенно ослабит положение российских компаний на внутреннем рынке. По мнению авторов, именно промедление РФ в решении вопросов сопряжения экономических интересов с КНР приводит к активизации в рамках Экономического пояса Шелкового пути «обходных» логистических путей [Едовина, 2015; Карасюк, 2015].

Кроме того, кризисный сценарий развития мировой экономики, приведший к ухудшению конъюнктуры для китайского экспорта, неудачная попытка реализации «китайской мечты» на основе переориентации экспортных потоков на обеспечение высоких стандартов потребления и получение доходов внутри страны усилили заинтересованность Китая в новых для него рынках Центральной Азии. В таких жестких условиях Китай, соответствуя ожиданиям и требованиям США и ЕС в отношении демонстрации прозрачности намерений, предложил две многосторонние инициативы, ориентированные на интеграцию и развитие в Евразии, — Экономический пояс Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций [Денисов, 2015; Ремыга, Падалко, 2015].

Создание Экономического пояса Шелкового пути было объявлено председателем КНР Си Цзиньпином в рамках визита в Казахстан в сентябре 2013 г. И хотя уже через месяц инициатива была расширена за счет Морского Шелкового пути XXI в. (МШП XXI в.) (вместе они стали проектом «Один пояс и один путь»), именно сухопутная часть Нового Шелкового пути (другое название общего проекта) является более амбициозной и затратной. Поскольку в отношении нее существует больше определенности, авторы полагают целесообразным сосредоточиться на ее рассмотрении. Изначально были заявлены пять главных составляющих концепции ЭПШП [Ларин, Матвеев, 2014; Ремыга, Падалко, 2015]:

- продвижение региональной экономической интеграции (совершенствование политического согласования);
- ускорение строительства единой транспортной сети, включающей сквозную транспортную магистраль от Тихого океана до Балтийского моря и трассы, соединяющие восточную, западную и южную Азию;
- увеличение объемов торгового и инвестиционного сотрудничества, снижение и ликвидация торговых барьеров, сокращение издержек, упрощение бюрократических процедур;
- увеличение доли расчетов в национальных валютах (это в первую очередь будет выгодно для юаня, который в перспективе сможет превратиться в международную валюту, способную потеснить доллар и евро);
- расширение сотрудничества в гуманитарной сфере путем значительного увеличения числа студентов из стран Центральной Азии в вузах Китая.

С тех пор проект неоднократно уточнялся, на что обращают внимание в том числе китайские аналитики [Иванов, 2015]. По мнению С.А. Лукониной и И. Мин [Луконин, 2015; Min, 2015], концепция ЭПШП формировалась в рамках череды обсуждений инициативы на разных уровнях, что позволило выявить оптимальный механизм осуществления проекта и обеспечить его реализации общественный консенсус как внутри страны, так и за рубежом. В частности, на первом этапе состоялись саммиты руководства Китая с лидерами заинтересованных государств, а также международные конференции с приглашением экспертов из США, ЕС, России, Казахстана, Белоруссии, Монголии для генерации и обсуждения идей, касающихся возможных рисков и вызовов проекта, своевременного разрешения потенциальных противоречий, а также для достижения консенсуса внутри партийно-государственного аппарата страны. Далее были реализованы мероприятия в регионах Шелкового пути (Синьцзян-Уйгурский автономный район, автономный район Внутренняя Монголия, провинция Ганьсу) с привлечением специалистов не только из России, Казахстана, Белоруссии, Монголии, но и стран Центральной Азии. Такие беспрецедентные организационные усилия Китая свидетельствуют о высочайшем уровне заинтересованности его лидеров в успехе про-

екта. «Один пояс — один путь» (ОПОП) — ключевой элемент 13-й Китайской пятилетки 2016–2020 гг. [Daly, 2015]. Это означает, что в самое ближайшее время произойдет конкретизация содержания проекта на уровне возводимых объектов инфраструктуры, механизма их финансирования и правового оформления.

Для реализации проекта сформирован Фонд Шелкового пути объемом 40 млрд долл. США из средств официальных резервов страны, а также активов Китайской инвестиционной корпорации, Экспортно-импортного банка Китая и Китайского банка развития, средства Фонда пойдут непосредственно на строительство Шелкового пути [Min, 2015].

Создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций, также непосредственно связанное с ОПОП, было объявлено руководством КНР в октябре 2013 г. в ходе саммита АТЭС в Индонезии [Strategic Comments, 2015], где было заявлено о реализации «морского» крыла Нового Шелкового пути. Средства банка с уставным капиталом в 100 млрд долл. США, половину которого предоставляет КНР, пойдут на финансирование прочих объектов инфраструктуры ЭПШП и МШП XXI в. — строительство дорог, аэропортов, морских портов, электростанций, установок по очистке воды, жилищное строительство и т.д. [Едовина, 2015; Fukuyama, 2016]. Данный проект из-за согласия на членство в АБИИ некоторых ключевых европейских государств, таких как Германия и Великобритания, вызвал недовольство со стороны Вашингтона и Токио, рассуждающих в спектре блоковой политики и концепции «враг — союзник» и имеющих свои институты развития в Азии [Тригубенко, Леженина, 2015; Strategic Comments, 2015]. Вместе с тем позиция указанных стран представляется довольно эгоистичной, так как у международного сообщества наблюдается острая потребность в пересмотре существующих политических, экономических и финансовых платформ взаимодействия, на что обращают внимание и западные аналитики [Strategic Comments, 2015], соглашаясь, что существующие механизмы не отражают возросшей роли новых лидеров — Бразилии, Китая и Индии — в мировой экономике.

Но основные ресурсы будут выделены Китайским банком развития: 890 млрд долл. США планируется потратить на осуществление 900 локальных проектов в 60 странах, что корреспондирует с амбициями, высказанными Чжан Гаоли по поводу строительства шести транспортных коридоров, среди которых: «Новый Евразийский континентальный мост» (Ляньюньган — Роттердам), коридоры «Китай — Монголия — Россия», «Китай — Центральная Азия — Западная Азия», «Китай — п-ов Индокитай», «Китай — Пакистан», «Бангладеш — Китай — Индия — Мьянма» [Авдокушин, 2015 ; He, 2015]. Таким образом, совокупные финансовые ресурсы, выделяемые на инициативу, составляют более четверти официальных резервов КНР — 3,406 трлн долл. по состоянию на декабрь 2015 г. [IMF, 2016]. Ставки КНР в проекте высоки, что также является свидетельством нового качества амбиций страны.

Анализируя продвигаемые Китаем инициативы, можно отметить их гибридный характер, так как механизм реализации проекта «Экономический пояс Шелкового пути» подразумевает и совместное развитие инфраструктуры на основе финансирования из специально учреждаемых фонда и банка (элементы института развития), и наднациональный общий дизайн проекта, подразумевающий координацию интересов многих стран (элементы интеграционного объединения). В то же время, по мнению авторов, сопоставление инициативы с региональными интеграционными блоками, функционирующими в Евразии, среди которых тесно переплетенные с интересами Китая Всеобъемлющее региональное экономическое партнерство и Транстихоокеанское партнерство, пока преждевременно, поскольку реализация проекта в настоящее время

идет путем заключения отдельных инвестиционных сделок по приобретению активов и строительству разрозненных объектов инфраструктуры. В эту логику вписывается не совсем понятная покупка 9,9% проекта строительства завода по производству сжиженного природного газа «Ямал-СПГ» Фондом Шелкового пути [Топалов, 2016], так как очевидно, что завод не относится к элементам инфраструктуры, для создания которых Фонд предназначен. То же самое можно сказать в отношении заявления председателя правления Евразийского банка развития Дмитрия Панкина в интервью журналу «Коммерсантъ Власть» [Коммерсантъ Власть, 2016] о том, что Евразийский банк развития (ЕАБР) примет участие в финансировании строительства дороги из Китая в Белоруссию (маршрут начинается от границы Казахстана в Оренбургской области, далее — в районе Тамбова, Липецка, Орла, Брянска и заканчивается вхождением в трассу М1 на границе), которая станет частью северного коридора Экономического пояса Шелкового пути, и планирует совместную реконструкцию с Европейским банком реконструкции и развития (ЕБРР) дальнейшего участка дороги на территории Белоруссии. Таким образом, несмотря на принадлежность дороги к проекту, выделение средств из Фонда Шелкового пути, АБИИ или Китайского банка развития не предусматривается. Такие противоречия заявленным механизмам развития ЭПШП, по мнению авторов, свидетельствуют о неполной ясности в организационной составляющей проекта. Поэтому, для того чтобы оценить потенциал новых инициатив КНР, авторы проанализируют только его финансовую составляющую путем ее сравнения с банками развития, действующими на евразийском пространстве.

Существующие региональные институты развития в Евразии: оценка масштабов китайского вызова

Институты развития в организационном смысле — специальные хозяйственные структуры и субъекты хозяйствования, созданные государством и используемые им как инструмент регулирования экономики и государственной поддержки других субъектов, деятельность которых отнесена к приоритетным [Киндзерский, 2010]. Необходимо отметить, что во многих странах существуют национальные (в том числе региональные) институты развития, решающие задачи поддержки инновационной деятельности [Курбатова, Саблина, 2012; Селявина 2013, 2015; Солнцев и др., 2009; Хасанов, 2009]. Наднациональные институты развития — международные организации, объединения государств, созданные на основе международных договоров для выполнения определенной цели, имеющие систему постоянно действующих органов и обладающие международной правосубъектностью [Цыганков, 2016]. По мнению Е.А. Селявиной [Селявина, 2013, 2015], категория межгосударственных банков развития исследована в настоящее время довольно слабо. Это связано с тем, что до 2008 г. наблюдалось снижение роли банков развития в традиционном понимании, соответственно, отсутствовал интерес к их изучению. Текущий момент характеризуется созданием двух банков развития — Азиатского банка инфраструктурных инвестиций и Банка БРИКС (учрежден в 2014 г., начал функционировать в 2015 г.), ключевую роль в которых играет Китай.

Международные банки развития являются инструментом распространения финансовой зависимости и экономического влияния. Основная часть банков развития создана в 60–70-е годы XX в. по образу и подобию Международного банка реконструкции и развития, созданного в 1944 г. в рамках Бреттон-Вудской конференции. Региональные банки реконструкции и развития обычно более осведомлены о территории, ее истории, нуждах и возможностях. Они решают задачу более широкого учета потреб-

ностей и интересов развивающихся стран и обладают определенной независимостью от развитых стран.

В ходе исследования авторами выявлено 10 банков развития, функционирующих в Евразии, и проведен сравнительный анализ ключевых параметров их деятельности. В табл. 1 банки расположены в хронологическом порядке их учреждения и приведены общие параметры их организации. Выявлено, что шесть банков созданы в 1950–1970-е годы в рамках регионального преломления идей Международного банка реконструкции и развития (примечательно, что один из банков — Международный инвестиционный банк — создан социалистическими странами и функционирует до сих пор), два банка развития (Европейский и Черноморский) созданы в 1990-е годы для реализации потребностей переходных экономик. Наконец, создание двух последних банков развития (Евразийского и АБИИ) отражает нарастание финансовой мощи и институционального потенциала развивающихся стран. С точки зрения географического происхождения учредителей можно выделить три банка, организованных странами Западной Европы (Банк развития Совета Европы, Европейский и Скандинавский инвестиционные банки), два азиатских банка (Азиатский и Исламский банки развития), остальные учреждения являются смешанными. Вновь созданный Азиатский банк инфраструктурных инвестиций по численности участников уступает только Европейскому банку реконструкции и развития и немногим превосходит Исламский банк развития. Примечательно, что три банка — Европейский и Скандинавский инвестиционные банки, а также Банк развития Совета Европы — ориентированы только на проекты в развитых странах. Китай является членом только Азиатского банка развития, таким образом, его влияние в вопросах развития Евразии, даже по сравнению с некоторыми европейскими странами, пока ниже.

Фонд Шелкового пути, тем более Китайский банк развития, невозможно сопоставить с межгосударственными банками развития, поскольку они являются институтами национального уровня с точки зрения источников их финансирования. Кроме того, Фонд Шелкового пути, исходя из названия, не является кредитной организацией, т.е. окупаемость и доходность проектов не входят в его прямые цели.

Таблица 1. Банки развития Евразии: организационный аспект

Название	Год основания	Участники и владельцы	Штаб-квартира	Сайт
1. Банк развития Совета Европы (Council of Europe Development Bank, CEB)	1956	41 страна Совета Европы, а также Косово и Ватикан	Париж (Франция)	www.coebank.org
2. Европейский инвестиционный банк (European Investment Bank, EIB)	1958	28 стран ЕС	Люксембург (Люксембург)	www.eib.org
3. Азиатский банк развития (Asian Development Bank, ADB)	1966	67 стран: 48 стран АТР, в том числе КНР, 19 — из других регионов, не участвуют Иран, Ирак, Катар, Кувейт, Саудовская Аравия, ОАЭ и др.	Манила (Филиппины)	www.adb.org

Название	Год основания	Участники и владельцы	Штаб-квартира	Сайт
4. Международный инвестиционный банк (International Investment Bank, IIB)	1970	Болгария, Венгрия, Вьетнам, Куба, Монголия, Румыния, РФ, Словакия, Чехия	Москва (РФ)	www.iib.int
5. Исламский банк развития (Islamic Development Bank Group, IsDB)	1973	56 государств, членов Организации исламского сотрудничества	Джидда (Саудовская Аравия)	www.isdb.org
6. Скандинавский инвестиционный банк (Nordic Investment Bank, NIB)	1976	Дания, Исландия, Латвия, Литва, Норвегия, Финляндия, Швеция, Эстония	Хельсинки (Финляндия)	www.nib.int
7. Европейский банк реконструкции и развития (European Bank for Reconstruction and Development, EBRD)	1991	61 страна и две международные организации	Лондон (Великобритания)	www.ebrd.com
8. Черноморский банк торговли и развития (Black Sea Trade and Development Bank, BSTDB)	1997	11 стран – членов Организации Черноморского экономического сотрудничества (Албания, Армения, Азербайджан, Болгария, Грузия, Греция, Молдавия, Румыния, РФ, Турция, Украина)	Тессалоники (Греция)	www.bstdb.org
9. Евразийский банк развития (Eurasian Development Bank, EDB)	2006	Армения, Белоруссия, Казахстан, Кыргызстан, РФ, Таджикистан	Алматы (Казахстан)	www.eabr.org
10. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (Asian Infrastructure Investment Bank, AIIB)	2014	57 стран: 37 стран АТР, 20 – из других регионов	Пекин (КНР)	www.aiib.org

Источник: составлено авторами.

Примечание. Целевые установки банков и объем уставного капитала представлены в табл. 2.

Таблица 2. Банки развития Евразии: направления работы и потенциал

Название	Миссия и цели	Уставный капитал
1. Банк развития Совета Европы	Первоначальная цель: помощь беженцам и перемещенным лицам после Второй мировой войны. Цели Банка в настоящее время: помощь жертвам катастроф, создание рабочих мест и улучшение социальной инфраструктуры, рост социальной сплоченности в странах – членах ЕС	Эквивалент суммы 5,7 млн евро (1956), 5,5 млрд евро (2013)
2. Европейский инвестиционный банк	Развитие слаборазвитых регионов ЕС; Модернизация или преобразование предприятий, развитие видов деятельности, которые способствовали бы прогрессу в создании общего рынка ЕС; Проекты в интересах нескольких стран-членов, которые из-за масштаба вложений и иных ограничений не могут быть профинансированы ими самостоятельно	232,393 млрд евро (2014)
3. Азиатский банк развития	Борьба с бедностью в Азиатско-Тихоокеанском регионе с 1,4 млрд человек, живущих в бедности. Обеспечение доступа к предметам потребления и ресурсам первой необходимости, создание условий для достойного уровня жизни	153,05 млрд долл. США (2015)
4. Международно-инвестиционный банк	Продвижение социального и экономического развития, благосостояния и сотрудничества стран-участниц. Основные направления: поддержка малого и среднего бизнеса и участие в финансировании социально значимых проектов	1,3 млрд долл., оплаченный – 302,6 млн долл. США (2015)
5. Исламский банк развития	Борьба с бедностью, продвижение развития человеческого капитала, науки и технологий, исламской экономики, финансов и банковского дела, усиление кооперации между странами-членами и другими партнерами по развитию	50 млрд исламских динаров (ИД), оплаченный – 4,85 млрд ИД (2015)
6. Скандинавский инвестиционный банк	Повышение конкурентоспособности стран-членов путем финансирования проектов, направленных на рост производительности при соблюдении стандартов защиты окружающей среды за счет технического прогресса и инноваций; развития человеческого капитала; улучшения инфраструктуры; роста эффективности рынков	6,14 млрд евро, в том числе оплаченный – 418,6 млн евро (2015)
7. Европейский банк реконструкции и развития	Рост экономики и развитие инноваций в странах, осуществляющих переход к рынку за счет финансовых инвестиций и бизнес-услуг для развития предпринимательской деятельности	10 млрд экю (1991), в настоящее время 30 млрд евро (2014)
8. Черноморский банк торговли и развития	Развитие торговых связей в регионе, содействие реализации международных проектов, содействие иностранным инвестициям, предоставление гарантий при развитии торговых и экономических связей как на государственном уровне, так и в частном бизнесе	3 млрд СДР
9. Евразийский банк развития	Содействие экономическому росту государств-участников, расширению торгово-экономических связей между ними и развитию интеграционных процессов на евразийском пространстве путем осуществления инвестиционной деятельности	7 млрд долл. США, оплаченный – 1,5 млрд долл. США
10. Азиатский банк инфраструктурных инвестиций	Стимулирование финансового сотрудничества в Азиатско-Тихоокеанском регионе, финансирование инфраструктурных проектов в Азии	100 млрд долл. США, половину этой суммы обеспечит Китай

Источник: составлено авторами.

Анализ целей банков развития показывает, что с точки зрения целей Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, как, впрочем, и Фонд Шелкового пути, в большей степени сопоставимы с Европейским и Скандинавским инвестиционными банками, а также с Азиатским банком развития (главным образом из-за того, что многие страны Азии являются одними из беднейших и испытывают дефицит капитальных общественных благ). Несмотря на то, что по своей сути банки многосторонние, их приоритеты имеют выраженный региональный характер и соответствуют стремлению основных стран-участниц повысить уровень жизни соседних стран за счет формирования стабильной и предсказуемой атмосферы межстранового взаимодействия: Исламский банк развития финансирует только исламские страны, в азиатском ведущую роль играет Япония и т.д.

С финансовой точки зрения, несмотря на то, что рассуждать о возможностях АБИИ (вкуче с Фондом Шелкового пути) можно только теоретически, например, сравнивая уставные капиталы, поскольку банк только начал работу и оценить масштаб средств, которые он может привлечь, пока затруднительно. С учетом вышесказанного АБИИ, даже если не брать в расчет ресурсы Фонда Шелкового пути, входит в тройку лидеров среди банков развития Евразии, уступая только Европейскому инвестиционному банку (инфраструктурному банку трехсотмиллионного Европейского союза) и Азиатскому банку развития, история которого насчитывает 50 лет. Представляется, что, с одной стороны, такое состояние дел красноречиво отражает расстановку сил в мировых финансах, когда потенциал сбережений и инвестиций развитых стран продолжает оставаться существенным. С другой — очевидно, что с добавлением многомиллиардных ресурсов Китайского банка развития инициатива Экономического пояса Шелкового пути приобретает черты крупномасштабного проекта.

Выводы

В турбулентных условиях современного геополитического сценария происходит трансформация системы международных отношений. Одной из стран, в явной и неявной форме выступающих за пересмотр существующей системы глобального управления, является Китай. Внешнее развитие Китая опирается на евразийское видение страны и претензии на лидерство в экономической системе континента, которое доказывается в успешной конкурентной борьбе с ЕС, Россией и Индией за ресурсы и рынки. «Выход Китая из тени» проявляется в более активной и дифференцированной внешней политике и в формировании новых многосторонних институтов, ориентированных на решение вопросов развития. На фоне общемировой стагнации Китай пытается поддержать модель экспортной экспансии, обуславливающую динамику его реального производства и занятости, в том числе за счет предоставления капитала развивающимся и наименее развитым странам, обладающим «эффектом низкой базы» и перспективным в плане рыночной динамики, которые из-за бедности, рисков и практически полного отсутствия инфраструктуры выпали из сферы интересов глобальных корпораций. Кроме того, КНР старается найти более эффективное применение накопленным официальным резервам, величина которых превосходит суммарные резервы стран «большой семерки», стремясь превратить их в реальные активы: сырье, заводы и инфраструктуру.

В настоящее время институционализация Китаем своих зарубежных вложений в формате международных публично-правовых образований предполагает постепенное расширение его доминирующего воздействия на весь евразийский континент,

а не только азиатскую часть. Представляется, что инициативы Китая ожидает успех, поскольку многомиллиардные многосторонние финансовые проекты страны направлены на увеличение инвестиций в глобальные общественные блага в развивающемся мире, где в перспективе может иметь место значительный экономический рост, в том числе вследствие «эффекта низкой базы».

Продвигаемые и проектируемые Китаем трансрегиональные структуры — Экономический пояс Шелкового пути и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций, Фонд Шелкового пути — направлены на увеличение инвестиций в глобальные и региональные общественные блага, при этом наилучшим способом будет реализовано конкурентное преимущество Китая в изготовлении товаров производственно-технического назначения, что позволит преодолеть структурные проблемы крупнейшей экономики мира. Создание АБИИ призвано, с одной стороны, поддержать проекты КНР в сфере развития, в том числе за счет мобилизации финансовых ресурсов других стран, что позволит инкорпорировать их в существующую систему межрегиональных и международных политических и экономических институтов. Значительный масштаб финансовых и организационных усилий КНР способен изменить положение дел в экономике континента путем обеспечения роста уровня и качества жизни населения вовлеченных стран.

Таким образом, появление институтов развития, учрежденных развивающимися государствами евразийского континента, является составной частью выстраиваемой альтернативной архитектуры континентальной, а впоследствии и глобальной системы международных отношений. Продвижение Китаем новых многосторонних финансовых институтов приводит к отношениям, подразумевающим одновременно сотрудничество и конкуренцию между старыми и новыми глобальными игроками. На этом фоне первостепенной задачей лидеров и других участников процесса становится создание максимально прозрачных условий взаимодействия на основе сотрудничества в разных сферах в рамках направлений развития, детерминированных национальными интересами.

Литература

- Авдокушин Е.Ф. (2015) Тигр прыгнул, дракон взлетел — проект «Один пояс — один путь». Теория и практика // Вопросы новой экономики. № 4 (36). С. 4—17.
- Белоусова Е.С. (2014) Внешняя политика КНР: новый лидер — новый курс // Вестник Челябинского государственного университета. № 14 (343). С. 119—122.
- Борох О.Н., Ломанов А.В. (2007) Скромное обаяние Китая: Пекин творчески развивает американскую концепцию «мягкой силы» // Pro et Contra. № 3. С. 41—60.
- Воробьев В.Я. (2016) ШОС и третья фаза Китая // Россия в глобальной политике. Т. 14. № 1. Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/ShOS-i-tretya-faza-Kitaya-17940> (дата обращения: 19.02.2016).
- Денисов И.Е. (2015) Путешествие на Запад // Россия в глобальной политике. Т. 13. № 1. С. 135—143.
- Едовина Т. (2015) Китай двинулся по Шелковому пути // Коммерсантъ. 17 февраля. Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/2669822> (дата обращения: 02.12.2015).
- Карасюк Е. (2015) Мягко стелют. Почему новый Шелковый путь обходит стороной Россию? // Slon Magazine. 18 декабря. Режим доступа: <https://slon.ru/posts/61380> (дата обращения: 19.02.2016).
- Киндзерский Ю.В. (2010) Институты развития: принципы формирования и проблемы использования в экономических преобразованиях // Общество и экономика. № 7—8. С. 57—78.

- Кирьянов О. (2013) Китай меняет стратегию в Восточной Азии // Российская газета. 3 декабря. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/12/03/azia-site.html> (дата обращения: 13.03.2013).
- Коммерсантъ Власть (2016) «Банк — это структура с двумя карманами». Говорит председатель правления Евразийского банка развития Дмитрий Панкин // Коммерсантъ Власть. № 11. 21 марта. С. 28–29. Режим доступа: <http://kommersant.ru/Doc/2937802> (дата обращения: 21.03.2016).
- Кудияров С., Мирзаян Г., Обухова Е., Огородников Е. (2015) Огненные объятия Дракона // Эксперт. № 20–21 (945). Режим доступа: http://expert.ru/expert/2015/20/ognennyye-ob_yatiya-drakona/?n=171 (дата обращения: 02.12.2015).
- Курбатова М.В., Саблин К.С. (2012) Институты развития и квазиинституты развития в российской экономике // Terra Economicus. Т. 10. № 3. С. 22–38.
- Ларин А.Г., Матвеев В.А. (2014) Китайская стратегия «продвижения на Запад» и «Новый шелковый путь» // Проблемы Дальнего Востока. № 5. С. 5–15.
- Лексютин Я.В. (2015) Экономическая дипломатия Китая в XXI веке // Проблемы Дальнего Востока. № 2. С. 24–37.
- Ломанов А.В. (2014) «Китайская мечта» как идеологический символ руководства Си Цзиньпина // Китайская Народная Республика: политика, экономика, культура. К 65-летию КНР. М.: Форум. С. 40–56.
- Луконин С.А. (2015) Экономический пояс Шелкового пути: риски и возможности для России // Международная торговля и торговая политика. № 4 (4). С. 18–29.
- Портяков В.Я. Становление Китая как ответственной глобальной державы: монография. М.: ИДВ РАН.
- Портяков В.Я. (2014а) Контуры внешней политики лидеров Китайской народной республики пятого поколения // Проблемы Дальнего Востока. № 1. С. 16–20.
- Портяков В.Я. (2014b) Возвышение Китая: Что дальше? // Россия в глобальной политике. Т. 12. № 3. С. 132–141.
- Ремыга В.Н., Падалко В.И. (2015) Новая глобальная стратегия Китая — Экономический пояс Шелкового пути. М.: Русский биографический институт; Институт экономических стратегий. С. 61–71.
- Иванов И.С. (ред.) (2015) Российско-китайский диалог: модель 201. Доклад № 18/2015 / Российский совет по международным делам. М.: Спецкнига.
- Селявина Е.А. (2013) Теоретические основы функционирования банков развития и их роль в реализации концепции устойчивого развития // Финансовая аналитика: проблемы и решения. № 22. С. 44–51.
- Селявина Е.А. (2015) Феномен банков развития и их роль в решении общеэкономических проблем // Научные записки молодых исследователей. № 2. С. 5–15.
- Солнцев О.Г., Хромов М.Ю., Волков Р.Г. (2009) Институты развития: анализ и оценка мирового опыта // Проблемы прогнозирования. Т. 113. № 2. С. 3–29.
- Топалов А. (2016) «Ямал» на треть китайский // Газета.ру. 15 марта. Режим доступа: <http://www.gazeta.ru/business/2016/03/15/8125055.shtml> (дата обращения: 02.03.2016).
- Тригубенко М.Е., Леженина Т.В. (2015) О китайских проектах «Экономический пояс Шелкового пути» и «Азиатский банк инфраструктурных инвестиций» // Финансовая экономика. № 2. С. 92–95.
- Тренин Д.В. (2015) От Большой Европы к Большой Азии? Китайско-российская Антанта // Россия в глобальной политике. Режим доступа: http://www.globalaffairs.ru/ukraine_crisis/Ot-Bolshoi-Evropy-k-Bolshoi-Azii-Kitaisko-rossiiskaya-Antanta-17462 (дата обращения: 10.12.2015).
- Хасанов И.Ф. (2009) Международный опыт создания и функционирования институтов развития // Транспортное дело России. № 3. С. 37–41.
- Цыганков П.А. (ред.) (2016) Теория международных отношений: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт.
- Daly J.C.K. Why Kazakhstan is Key to China's Central Asia Strategy // Silk Road Reporters. July 14. Режим доступа: www.silkroadreporters.com/2015/07/14/why-kazakhstan-is-key-to-chinas-central-asia-strategy (дата обращения: 10.12.2015).

Fukuyama F. (2016) Exporting the Chinese Model. Режим доступа: [http:// www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-strategy-by-francis-fukuyama-2016-01](http://www.project-syndicate.org/commentary/china-one-belt-one-road-strategy-by-francis-fukuyama-2016-01) (дата обращения: 10.12.2015).

He Y. (2015) China to Invest \$900 billion in Belt and Road Initiative // Telegraph. June 10. Режим доступа: [http:// www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/11663881/china-billion-dollar-belt-road-initiative.html](http://www.telegraph.co.uk/sponsored/china-watch/business/11663881/china-billion-dollar-belt-road-initiative.html) (дата обращения: 10.12.2015).

Holslag J. (2015) China's Coming War with Asia. Hoboken. N.J.: Wiley.

International Monetary Fund (2016) Data Template on International Reserves and Foreign Currency Liquidity. Режим доступа: [https:// www.imf.org/external/np/sta/ir/IRProcessWeb/data/chn/eng/curchn.htm](https://www.imf.org/external/np/sta/ir/IRProcessWeb/data/chn/eng/curchn.htm) (дата обращения: 10.12.2015).

Min Ye (2015) China and Competing Cooperation in Asia-Pacific: TPP, RCEP, and the New Silk Road // Asian Security. No. 11 (3). P. 206–224. DOI: 10.1080/14799855.2015.1109509.

Strategic Comments (2015) Asian Bank: Funding Infrastructure, Building China's Influence. DOI: 10.1080/13567888.2015.1047627.

Tsygankov A.P. (2015) A Strong State: Theory and Practice in the 21st Century // Valdai Papers. Issue 15 (May). Режим доступа: [http:// ru.scribd.com/doc/265177156/A-Strong-State-Theory-and-Practice-in-the-21st-Century](http://ru.scribd.com/doc/265177156/A-Strong-State-Theory-and-Practice-in-the-21st-Century) (дата обращения: 10.12.2015).

A Hybrid Mechanism of Multilateral Economic Cooperation as a New Form of Foreign Policy of China

M. Gorbunova, I. Komarov

Mariia Gorbunova – Acting Head, Department of World Economy and Regional Markets, Institute of Economics and Entrepreneurship, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; 23 Gagarin Avenue, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation; E-mail: gorbunova@iee.unn.ru

Igor Komarov – Engineer, Center of Expertise and Comprehensive Analysis, Institute of International Relations and World History, National Research Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod; 23 Gagarin Avenue, 603950 Nizhny Novgorod, Russian Federation; E-mail: komarov@imomi.unn.ru

Abstract

The authors analyze current trends in multilateral international cooperation determined by the global stagnation and the changing role of developing countries that reflects their growing political and economic potential compared to developed countries.

China is one of the leading actors in the process of modernization of the multilateral cooperation. The authors examine the scale and potential influence of two China-led multilateral cooperation and development initiatives in Eurasia: the Silk Road Economic Belt and the Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). These initiatives imply a new kind of initiator different from the traditional participant in international multilateral initiatives. China's growing global role has reached a qualitatively new stage related to the fact that the country has moved into first place among world economies and has accumulated significant financial resources, although per capita income remains relatively low. Furthermore, China's internationalization model has required it to be more actively involved in the global governance system as a responsible superpower. The awareness to address important issues of economic growth, sustainable development and the provision of global public goods forces China to go beyond the standard profit-seeking trade and investment models of internationalization. The explication of its enormous economic potential at the regional (African, Asian and Latin American) and global levels directly or indirectly contradicts the interests of the leading developed and developing countries concerning foreign markets, mineral resources access and political influence in Eurasia. The authors offer an objective assessment of the potential impact of the Silk Road Economic Belt and AIIB on the associated national economies. The Silk Road Economic Belt is an integral part of the "One Belt and One Road" project and involves the construction of transport and logistics infrastructure from East to West across the Eurasian continent. It will be implemented through traditional Chinese economic diplomacy using preferential or free trade agreements with participating countries and funding conditional on the procurement of Chinese infrastructure goods or access to raw materials in the borrowing countries. The AIIB is a regional bank for reconstruction and development promoted by China together with European countries in support of the Silk Road Economic Belt. Based on an analysis of expert opinions and official statements as well as the system of banks for reconstruction and development in Eurasia, the authors conclude that China is making exceptional organizational and financial efforts for its economic expansion into the Eurasian continent using a hybrid model of cooperation and development.

Key words: China's Foreign Policy; Eurasian economy; Banks for Reconstruction and Development; Regional Integration; Asian Infrastructure Investment Bank; Silk Road Economic Belt

References

- Aleshin M. (2016) Sammit po jadernoi bezopasnosti v Vashingtone stal poslednim [The Nuclear Security Summit in Washington Became the Problem]. *Izvestia*, 2 April. Available at: <http://izvestia.ru/news/608465> (accessed 11 August 2016). (In Russian.)
- Blishenko I.P., Doria J. (1999) Precedentii v mehdunarodnom publichnom i chastnom prave. [*Precedents in International Public and Private Law*]. 2ed. Moscow: MNIIP. (In Russian.)
- Chernichenko C.V. (2014) Kontury mezhdunarodnogo prava. Obshhie voprosy [*Contours of International Law. General Problems*]. Moscow: Russian Academy of Science Institute of State and Law. (In Russian.)

- Churkin V. (2015) OON pereshagnula sedmoi dechatok. Chto dalshe? [The UN has passed the seventh decade. What's next?]. *Rociyskaia gazeta*, 23 October, no 240 (6811). Available at: <https://rg.ru/2015/10/23/oon.html> (accessed 11 August 2016). (In Russian.)
- Conforti B. (2000) *The Law and Practice of the United Nations*. The Hague, Boston: Kluwer Law International.
- Fedorov V.N. (2005) Organizacija Objedinennyh Nacij, drugie mezhdunarodnye organizacii i ih rol' v XXI veke [The United Nations, the Other International Organizations and Their Role in the 21st Century]. Moscow: Logos. (In Russian.)
- Goodrich L., Hambro E. (1949) *The Charter of the United Nations. Commentary and Documents*. Boston.
- Gorelic A. (2015) 70 letie OON. Globalnii cooperative [70 anniversary of the UN. The Global cooperative]. *International Affairs*, no 10. (In Russian.)
- Ivanenko V.S. (2014) Sovet Bezopasnosti OON i ego reshenija: pravovoj status, mesto i rol' v obespechenii mezhdunarodnogo pravoporjadka [The UN Security Council and its Decisions: Their Legal Status, Place and Role in the Ensuring of International Law (the Experience of Paradigmatic Analysis)]. *Russian year-book of International Law*, pp. 58–85. Saint-Petersburg: Russia-Neva. (In Russian.)
- Kislicina N.F. (2014) Razvitie sistemii mezhdunarodnogo prava na sovremennom etape [The Development of International Law System at Present Stage]. Moscow: Lenand. (In Russian.)
- Kriilov S.B. (1958) Mejdunarodnii sud Organizacii Obiedinennich Nacij [The UN International Court of Justice]. *Voprocii mezhdunarodnogo prava I processa v ego practice za dechat let – 1947–1957*. Moscow: Gosjrizdat. (In Russian.)
- Maciver R. (1959) *The Nations and United Nations*. N.Y.
- Malone D.M. (ed.) (2004) *The UN Security Council: From the Cold War to the 21st Century*. A project of the International Peace Academy. Boulder: Lynne Rienner Publishers, Inc.
- Meziaev A.B. (2013) Prava obviniaemogo v sovremennom ugovnom processe (voprocii teorii I praktiki) [The Rights of the Accused in the Contemporary Criminal Process (questions of the theory and practice)]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoi stepeni d.u.n. Specialnoct 12.00.10. Moscow. (In Russian.)
- Morgenthau H. (1962) *The Impasse of American Foreign Policy*. Chicago.
- Ratnes S.R. (2004) The Security Council and International Law: Deciphering the Normative Message of a Political Organ. *The United Nations Security Council after the Cold War* (ed. D. Melone).
- Romanov V.A. (1999) Resolucia Soveta Bezopasnosti OON I ustanovlenie vaznoi normii vejdnarodnogo prava [The Resolution of the UN Security Council and Important Norm of International Law Establishment]. *Moscow Journal of International Law*, no 3 (35), pp. 227–281. (In Russian.)
- Samuels K. (2006) *Political Violence and the International Community: Developments in International Law and Policy*. Leiden, Boston: Publisher Martinus Nijhoff.
- Shagaeva E.I. (2010) Rol Soveta Bezopasnosti OON v ukreplenii rejima nerasprostranenia jadernogo orujia [The role of the UN Security Council in Non-proliferation of Nuclear Weapons]. *Probelii v rossiiskom zalonodatelstve*, no 2, pp. 396–398. (In Russian.)
- Shatunovskii-Burno S.V. (1999) Poviishenie effektivnosti Organizacii Obiedinennich Nacij: mejdunarodno-pravovii aspelkii [Improving the Efficiency of the UN: International-law Aspect]. Avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoi stepeni k.u.n. Specialnoct 12.00.10. Moscow. (In Russian.)
- Sievers L. and Daws S. (2015) *The Procedure of the UN Security Council*. Oxford: Published to Oxford Scholarship Online. DOI: 10.1093/acprof:osobl/9780199685295.001.0001.
- Simma B., Khan D.E., Nolte G., Paulus A. (2012) *The Charter of the United Nations: A Commentary*. Vol. I. Oxford: Oxford University Press.
- Talmon S. (2005) The Security Council as World Legislature. *The American Journal of International Law*, no 99.1, pp. 175–193.
- Talmon S., Chesterman S., Gray C., Frank T. (2009) The Security Council and Rule of Law. *American Society of International Law*, pp. 249–253.

- Tolstiich V.L. (2004) Mejdunarodnoe pravo: praktika primeneniia. Konsultativniie zaklucheniia Mejdunarodnogo Suda OON [*International law: the Practice of Applying. Advisory Opinions of the International Court of Justice*]. Moscow: MZ-Press. (In Russian.)
- Tynkin G.I. (2000) Teorija mezhdunarodnogo prava [*The Theory of International Law*]. Moscow: Zercalo. (In Russian.)
- Velyaminov G.M. (2015) Mezdunarodnoe pravo: opiutiu [*International Law: Essays*]. Moscow: STATUTE. (In Russian.)
- Voytova T.N. (2010) O normotvorcheskikh polnomochiach Soveta Bezopasnosti [About the Law-making Power of the UN Security Council]. *Aktualnie problemii rossiyskogo prava*, no 2 (15). (In Russian.)
- Voytova T.N. (2011a) Normotvorcheskie polnomochia Soveta Bezopasnosti OON [*The Law-making Power of the UN Security Council*]. Avtoreferat dissertatsii na soiskanie uchenoi stepeni k.u.n. Specialnoct 12.00.10. Moscow. (In Russian.)
- Voytova T.N. (2011b) Dejatel'nost' Komiteta Soveta Bezopasnosti OON po predotvrashheniju rasprostraneniia oruzhija massovogo unichtozhenija [Activity of the UN Security Council Committee on the Prevention of Proliferation of Weapons of Mass Destruction]. *Moscow Journal of International Law*, no 1, pp. 49–67. (In Russian.)
- Yumashev Yu. M. (2016) Vyzovy, stojashhie pered OON: sposobno li mirovoe soobshhestvo pojti na reformu Soveta Bezopasnosti i General'noj Assamblei? [Challenges the United Nations is Facing: Can the International Community Go for Reform of the Security Council and the General Assembly?]. *Eurasian Law Journal*, no 1 (92), pp. 82–84. (In Russian.)